

«Я думаю об этом времени»

Письмо советского писателя Владимира Канторовича секретарю ЦК КПСС Петру Демичеву

ОТ ПУБЛИКАТОРА

Павел Сергеевич
Глушаков (р. 1976) –
историк литературы
(Рига, Латвия). Автор
книг «Шукшин и другие»
(2018), «Мотив – струк-
тура – сюжет» (2020),
«Текст – смысл – диалог»
(2023), «Фрагменты»
(2023).

В архиве писателя Владимира Яковлевича Канторовича (1901–1977) сохранилось письмо, направленное им в 1967 году на имя секретаря ЦК КПСС Петра Ниловича Демичева (1918–2010). В этом послании писатель обращает внимание на засилье цензуры и скованность творческой инициативы. Посылая это письмо, Канторович не мог не понимать, что такого рода обращения (индивидуальные, коллективные, открытые¹) во множестве поступают в высокие инстанции, однако у писателя, видимо, была еще вера в действенность подобного рода жестов.

Примерно в то же время (январь 1967-го) в дневнике Александра Твардовского появляется знаменательная запись, касающаяся задуманного им письма к Леониду Брежневу:

«Ясно, что так-таки бросить затею “исторического письма” не удастся, не выходит. Оно необходимо в первую очередь для самого себя и во многих других смыслах, хотя, конечно, оно не поправит дела. Но пусть его прочтут хотя бы на третьем этаже – а там прочтут-таки несомненно, пусть оно останется в копиях, подшитых в “дела” и там, и в Союзе писателей, и в редакции, и у меня, наконец. Оно

1 См.: Розенблюм О. «Дискуссий не было...»: открытые письма конца 1960-х годов как поле общественной рефлексии // Новое литературное обозрение. 2020. № 4(164). С. 38–51.

АРХИВ «НЗ»

должно разъяснить картину, дать удовлетворение тем, кого я оставляю или подвергаю своим уходом многим еще неизвестным испытаниям. Оно должно лишить людей, ответственных за операцию по разгрому журнала, малейшего чувства правомерности – моральной и всяческой – содеянного, должно быть залогом того, что история-то будет иметь и этот материал при пересмотре нынешних акций высокодумной политики. Словом, нужно писать, и, между прочим, это единственно возможное для меня в эти дни занятие, в эти дни, когда я не работаю в редакции и вишу “подвешенным”, как выразился Сурков, за “первичные половые органы”»².

«Я ДУМАЮ ОБ ЭТОМ
ВРЕМЕНИ»...

Письмо, написанное Канторовичем, «наверху» прочитали. Оно и подобные ему обращения³ сделали свое дело: 7 января 1969 года появилось постановление секретариата ЦК КПСС «О повышении ответственности руководителей органов печати, радио, телевидения, кинематографии, учреждений культуры и искусства за идейно-политический уровень публикуемых материалов и репертуара» с «прогрессивным» выражением «социалистическая демократия» в преамбуле:

«ЦК КПСС отмечает, что в современных условиях дальнейшего укрепления и развития социалистического общества, расширения социалистической демократии, значительно возрастает роль средств массовой информации, литературы и искусства в формировании мировоззрения, повышении политического и культурного уровня советского народа. [...]

Между тем отдельные авторы, режиссеры и постановщики отходят от классовых критериев при оценке и освещении сложных общественно-политических проблем, фактов и событий, а иногда становятся носителями взглядов, чуждых идеологии социалистического общества. Имеются попытки односторонне, субъективистски оценить важные периоды истории партии и государства, в критике недостатков выступать не с позиций партийной и гражданской заинтересованности, а в роли сторонних наблюдателей, что чуждо принципам социалистического реализма и партийной публицистики. [...]

2 Твардовский А.Т. *Новомирский дневник*. М.: Прозаик, 2009. Т. 2. С. 14.

3 См., например, запись беседы Твардовского с Никитой Хрущевым 20 октября 1962 года: «Отсюда я – к вопросу (второму в моем плане-памятке, затверженной перед этой беседой) о цензуре. Все по схеме, выработанной мной в многократных дружеских изъяснениях в своем кругу, т.е.:

– “Современник” Некрасова и правительство Николая I или Александра II – два разных, враждебных друг другу лагеря. Там цензура – дело естественное и само собой разумеющееся. А например, “Новый мир” и советское право – это один лагерь. Я, редактор, назначен ЦК. Зачем же надо мной еще редактор-цензор, которого заведомо ЦК никогда не назначил бы редактором журнала – по его некомпетентности, а он вправе, этот редактор над редактором, изъять любую статью, потребовать таких-то купюр и т.п.

И, главное, хотя функции этих органов (Главлита) ограничены обеспечением соблюдения государственной и военной тайны, они решительно вмешиваются в область собственно литературную («почему такой грустный пейзаж» и т.п.) и часто берут на себя как бы осуществление литературной политики партии, опираясь, например, на постановление ЦК о “Звезде” и “Ленинграде” (“Зошенко”), которое, в сущности, уже изжито, снято самим ЦК, который давно уже не только разрешил издавать Зошенко и Ахматову, но всем духом и стилем руководства литературой отошел от этого постановления (“диктат”).

– Я с вами совершенно согласен» (Там же. Т. 1. С. 124–125).

Некоторые руководители издательств, органов печати, радио, телевидения, учреждений культуры и искусства не принимают должных мер для предотвращения выпуска в свет идейно ошибочных произведений, плохо работают с авторами, проявляют уступчивость и политическую беспринципность в решении вопросов о публикации идейно порочных материалов. Отдельные руководители идеологических учреждений пытаются переложить собственную ответственность в этом отношении на Главное управление по охране государственных тайн в печати при Совете Министров СССР. [...]

Рекомендовать творческим союзам и их партийным коллективам разработать систему мер, предусматривающих повышение общественной ответственности работников литературы и искусства за идейную направленность и художественное мастерство произведений».

В переводе с бюрократического языка это означало, что вектор контроля направляется «на места», в редакции издательств и журналов. Однако тут же (согласно секретному пункту 4) замечания цензоров должны доводиться до авторов «без ссылки на Главлит». Отступление от этого рассматривалось как «нарушение партийной и государственной дисциплины». Это фактически зачеркивало все предыдущие положения:

«Установить, что все вопросы, возникающие в процессе предварительного контроля произведений и касающиеся их идейно-политического характера, рассматриваются на уровне руководителей Главлита и руководителей издающих организаций и органов культуры»⁴.

И все же усилия Канторовича и десятков других деятелей культуры не были напрасными. Общественная и творческая атмосфера в стране претерпевала некоторые изменения, тотальный идеологический контроль власти вынужденно принимал иные формы.

Владимир Канторович начал печататься в 1929 году и работал в основном в жанре очерка. Для писателя-очеркиста была важна идея становления «нового человека», поэтому он отправлялся в командировки, дававшие ему возможность разглядеть «позитивные изменения», затронувшие даже периферийные области страны. Для Канторовича центральной стала сахалинская тема: в 1932 году он выпустил книгу «Сахалинские очерки» (переиздана в 1934-м и 1935-м), в 1962-м издал сборник повестей, рассказов и очерков «Сахалинская повесть», а в 1965-м книгу «Сахалинские тетради». В 1935–1937 годах вел отдел критики в журнале «Наши достижения»⁵. В 1937-м был репрессирован. Отвечая на просьбу одного из своих корреспондентов рассказать о себе, Канторович писал:

⁴ История советской политической цензуры. Документы и комментарии. М.: РОССПЭН, 1997. С. 188–190.

⁵ ЧЕЧЕНЕВА Л.В. Канторович В. // Краткая литературная энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1966. Т. 3. Стб. 374.

«Вы хотите знать обо мне. Но я в выигрышных условиях. Писатель все время высказывается, это его профессиональное занятие.

«Я ДУМАЮ ОБ ЭТОМ
ВРЕМЕНИ»...

В Литературной энциклопедии есть немного о моей биографии (на мое имя). То же (гораздо больше) в статье критика М. Кузнецова, предваряющей мою книгу “Сахалинская повесть”, 1971 г. изд. “Художественная литература”.

И там и здесь упомянуто (я об этом сам всегда пишу, да и Энциклопедия сообщает о таких данных писателя *по его желанию*), что длительный срок, то есть 19 лет, был перерыв в моей литературной деятельности, ибо 5 из них я сидел поблизости от Вашей Воркуты – в Абези – естественно, “по делам” 37 года. Сейчас, когда все это далеко позади, я думаю об этом времени (для личности писателя) не только как о вычете из полезного времени его деятельности. Я разделил судьбу многих, наверно, стал в десять раз содержательнее, чем был в молодости. Но главное (этим горжусь), не поддался, в голове сохранилось место для восприятия разных впечатлений. Все 19 лет я размышлял о жизни, а вернувшись в свою профессию, не позволил себе стать человеком одной темы своего прошлого. Я чувствовал себя в состоянии писать не только воспоминания о лагерях, а участвовать в сегодняшней жизни страны»⁶.

В 1960-е Владимир Канторович был близок к редакции журнала «Новый мир», но крупных вещей не публиковал, а помещал в основном рецензии и краткие реплики по поводу тех или иных книжных новинок. Канторовича можно назвать «новомирским» автором: в центре его внимания находились забытые имена писателей, публицистов и ученых, а стремление к обнаружению социальной правды, постоянно прикрываемой официозными «победными отчетами», выразилось в том, что Канторовичу удалось найти, казалось бы, периферийную тему, благодаря которой советский читатель мог увидеть самого себя. Эта тема – социология читателя – первоначально казалась цензуре безобидной, однако именно благодаря статьям и обзорам Канторовича, Владимира Лакшина и ряда других авторов «Нового мира», количественные наблюдения стали сопровождаться эстетической и даже общественно-политической рефлексией. Лакшин свидетельствовал:

«Важной темой критического раздела “Нового мира” стала тема взаимоотношений писателя и читателя. Сейчас этим мало кого удивишь, разработаны целые социологические программы изучения любителей книги. Но в те годы сама тема читателя была нова, во всяком случае в том повороте, какой ей придал журнал.

6 Российская национальная библиотека. Ф. 1243. № 250. Л. 1–2. После возвращения из ссылки (1956) Канторович продолжил работать в жанре социального очерка, писал о проблемах общественной морали, публиковал статьи о социологии чтения. Эти работы собраны в неоднократно переиздававшейся книге «Заметки писателя о современном очерке» (1962).

С 30-х годов изучение читательского мнения как части общественного сознания начисто прекратилось. О читателе вспоминали, когда назревал очередной идеологический погром. Его мнением пользовались как дубинкой, когда надо было призвать к порядку и урезонить кого-либо из “заблуждавшихся” писателей или “ошибавшихся” ученых. Считалось, что читатель-рабочий или читатель-крестьянин олицетворяет собой как бы “глас народа”, стало быть, непререкаемый “глас божий”. И, если по какому-нибудь поводу в газете появлялось коллективное письмо читателей-сталеваров или читателей-хлеборобов, становилось ясно, что дела автора, на сочинения которого они отзывались, совсем плохи. Обычной практикой было, когда “письмо читателя” сочинялось прямо за редакционным столом или “организовывалось” на месте специальным корреспондентом газеты. Эти нравы сталинских времен перекочевали почти без изменения и в хрущевскую эпоху. Памятны письма земляков, негодовавших на Александра Яшина за правдивую и поэтичную “Вологодскую свадьбу”, или письма ялтинских таксистов, возмущенных рассказом о водителе Василия Аксенова, или письма рабочих-строителей, опровергавших как злостную клевету изображение прораба в повести Войновича “Хочу быть честным”.

“Новый мир” решил переосмыслить фигуру читателя, вернув ей реальное, нефальсифицированное содержание. Вокруг журнала, как это ежедневно подтверждала редакционная почта, сформировалась новая, равнодушная читательская публика. Ее мнения и оценки отражали неприятие всех видов лжи, тягу к демократии, желание навсегда порвать с догмами сталинизма⁷.

Огромная роль в таком переосмыслении принадлежала работам Владимира Канторовича. Он много печатался в «Вопросах литературы»: с 1958-го по 1978 год здесь появились восемнадцать его статей, обзоров и рецензий. Наиболее заметные публикации находились на стыке научного и публицистического жанра: «Воспитание художественного вкуса» (1960), «О некоторых аспектах социологии литературы» (1969), «Делать правду» (1974).

Публикуя уже после смерти писателя избранные письма Канторовича, редакция «Нового мира» высоко оценила своего автора:

«Пожалуй, мало кто из советских литераторов столь увлеченно размышлял о социологии, так часто и резко выступал против примитивного, упрощенного ее истолкования. Он и сам, по общему признанию, бесспорно, был мастером художественно-социологического исследования действительности.

Острота поднятых им социальных проблем такова, что во многих случаях от него требовалась не только смелость писателя, но и мужество гражданина. Он вступал в бой с казенным, бюрократи-

7 Лакшин В. Пути журнальные. М.: Советский писатель, 1990. С. 20–21.

ческим взглядом на вещи, за которым нередко скрывается физиономия приспособленца, рьяно выступающего якобы “В защиту общественных интересов”. Писатель беспощадно срывал подобные маски. [...]

Владимир Канторович не был обделен критикой, признательностью коллег. К его книгам (он был сначала ученым-экономистом) писал предисловия академик Струмилин. Его произведения отмечал Максим Горький, в журнале которого “Наши достижения” Канторович заведовал отделом. Константин Паустовский называл его “строго обстоятельным Канторовичем”. Его очерки высоко ценил Валентин Овечкин, писавший о нем: “Я знаю книги В. Канторовича, очень люблю и ценю творчество этого писателя, умного, честного, умеющего наблюдать жизнь и делать из своих наблюдений правильные и смелые выводы”⁸.

Владимир Канторович, насколько можно судить по его работам и характеристикам коллег, был человеком того старшего поколения, которое, несмотря на репрессии и цензурные ограничения, вполне соответствовало «оттепельным» идеалам. Поэтому его письма к партийному идеологу носят не конфронтационный характер: это корреспонденция человека, который еще верит в исправление того, что кажется ему «временными недостатками»⁹. Писатель говорит не только о себе, а ратует за интересы широкого круга читателей.

«Я ДУМАЮ ОБ ЭТОМ
ВРЕМЕНИ»...

8 *Всегда открытое лицо: из переписки писателя-публициста В.Я. Канторовича* // Новый мир. 1980. № 3. С. 183, 185.

9 Такие представления подкреплялись частичными уступками власти, инерционно происходившими вплоть до 1968 года. Так, например, Канторович мог записать в свой актив то, что в 1967-м вышло постановление ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве». В этом документе, в частности, говорилось: «Современный этап общественного развития и прогресс научного знания требуют сосредоточения научно-исследовательской работы по общественным наукам в первую очередь на следующих направлениях: [...] в области правовых наук – исследование актуальных проблем государственного строительства, развития социалистической демократии; разработка вопросов организации и деятельности Советов депутатов трудящихся, научных основ государственного управления, правового регулирования хозяйственной жизни и общественных отношений; разработка мер по предотвращению и ликвидации преступности и других правонарушений, укреплению законности и правопорядка в стране; подготовка научно обоснованных рекомендаций по совершенствованию советского законодательства; изучение опыта государственно-правового строительства в зарубежных социалистических странах; исследование государственного строя развивающихся стран; разоблачение реакционной сущности современного империалистического государства и права; изучение международно-правовых проблем. [...] Шире практиковать в работе научно-исследовательских учреждений по общественным наукам проведение товарищеских дискуссий по спорным или недостаточно ясным вопросам» (Вопросы истории. 1967. № 9. С. 6–7). Статьи Канторовича, посвященные различным аспектам конкретных социологических исследований общества, появлявшиеся в центральной прессе, были едва ли не единственным источником информации о процессах, происходящих под покровом официальной риторики. Однако, несмотря на, казалось бы, прогрессивное постановление, статьи самого Канторовича продолжали задерживаться цензурой: «Не подписывают статью Канторовича “Социология и литература”», – свидетельствует заместитель главного редактора «Нового мира» и добавляет: «Сегодня опубликовано постановление о развитии общественных наук, где о социальных исследованиях, о необходимости обобщающих выводов и практических рекомендаций, о важности статистических анализов сказано сколько угодно. Но что цензуре до этого? Вообще что такое постановление? Пропаганда. Чиновники так на него смотрят» (Кондратович А. *Новомирский дневник*. М.: Советский писатель, 1991. С. 88).

Текст письма печатается по оригиналу (авторизованная машинопись), хранящемуся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге. Благодарю Андрея Дмитриева (Институт русской литературы РАН) за помощь в подготовке публикации. [Павел Глушаков]

Владимир Канторович

Владимир Канторович

Петр Демичев

Уважаемый товарищ Демичев!

Два года назад, во время Вашего доклада у московских писателей, я послал Вам записку о произволе цензуры (речь шла о необоснованных купюрах в вышедшей тогда моей книге «Сахалинские тетради»¹⁰, точнее, по поводу этого и других аналогичных фактов). В своем заключительном слове Вы ответили мне и авторам других записок на ту же тему. Вы высказались тогда за то, чтобы цензура вернулась к выполнению прежних обязанностей, следила бы только за сохранением военных тайн¹¹.

10 Канторович В. Я. *Сахалинские тетради*. М.: Советский писатель, 1965.

11 Родилась устная формула «на усмотрение редакции», которая, не будучи закреплена директивно, в реальности ничего не давала; см. тезисы обращения Твардовского к Брежневу (1968): «Доверие или недоверие ко мне, к нынешнему составу редколлегии. Гл. редактор назначается ЦК и по его представлению утверждается Союзом писателей редколлегия. Если мы не годимся – снимайте, если годимся, заслуживаем доверия – дайте возможность работать, не поступаясь достоинством литераторов и коммунистов, готовых головой отвечать перед партией за все, что составляет содержание журнала. Я не прошу читать названные произведения или те, что еще имеют быть в портфеле, я напоминаю единственно правильную формулу: “на усмотрение редакции”. Не прошу об отмене цензуры – только пусть она делает свое дело, а не служит пересылным пунктом по пути от редакции в Отдел, где решаются судьбы рукописи, вернее, не решаются, а лишь задерживаются» (Твардовский А. Т. *Указ. соч.* Т. 2. С. 194).

После этого, редакторы «Советского Писателя», споря с цензорами, ссылались на ваши слова, но получали в ответ, что прежнее решение ЦК, возложившее на Главлит¹² ответственность за идейно-художественное содержание литературных произведений, не отменено¹³.

Зная о предстоящем Вашем выступлении на IV Съезде писателей¹⁴, я испытал живейшую потребность вновь обратиться к Вам, секретарю ЦК, с крайне беспокоящими меня мыслями, примерно на ту же тему.

Надеюсь, Вы найдете возможность ответить на мои вопросы в своей речи или иным путем.

Позволю себе коснуться трех вопросов.

1. Как никогда, за последнее десятилетие усилилась (особенно в последние 1,5 года) деятельность цензуры и прочих инстанций, препятствующих появлению в печати крупных талантливых художественных произведений. Перечень романов, повестей, документальных произведений, принятых редакциями (иногда даже набранных¹⁵), но не выпущенных в свет, – громаден. Но еще длиннее (и еще необоснованнее) список произведений, отвергнутых редакциями (надо думать, по мотивам перестраховки).

Чтобы не ссылаться на перечни, я коснусь только трех произведений, которые прочел сам: Е. Драпкиной – о последних днях Ленина¹⁶, Ал. Бека – о крупном хозяйственнике 30-х годов¹⁷ и Ал. Солженицына – «Раковый корпус»¹⁸.

Убежден, что все эти три произведения – значительные явления искусства, причем, безусловно, советского. Кстати, это

«Я ДУМАЮ ОБ ЭТОМ
ВРЕМЕНИ»...

12 В 1966–1990 годах цензурный комитет носил название Главное управление по охране государственных тайн в печати при Совете Министров СССР (Главлит СССР).

13 «– Пусть вами занимается Союз писателей. – Это Беляев Кондратовичу и Лакшину. – А что же будет делать цензура?

– Будет заниматься своими прямыми обязанностями – охранением военной и государственной тайны!» (Там же. Т. 2. С. 271).

14 Четвертый съезд писателей СССР проходил 22–27 мая 1967 года, см.: «Более бессодержательного и нудного спектакля, чем этот съезд, – не придумать, хотя были попытки сказать что-то: Симонов, Гончар, особенно Кетлинская, которую я слушал и дивился поведением президиума. Старики – Федин, Тихонов, Соболев – “беспартийные”, которые хуже партийных» (Там же. Т. 2. С. 36).

15 «“Новый мир”, собиравшийся печатать роман “В круге первом”, вынужден был отказаться от своего намерения. Между тем у Солженицына к 1966 году был готов другой роман, или, как он стал обозначать его, во избежание путаницы с “Кругом”, повесть “Раковый корпус”. Твардовский никак не мог добиться разрешения на печатание и этой вещи, хотя в ноябре 1966 года она была с триумфом обсуждена в Московском отделении Союза писателей. Осенью 1967 года “Новый мир” заключил все же договор с автором на публикацию “Ракового корпуса” и набрал первые восемь глав. Публикация должна была начаться в № 1 за 1968 год, но была запрещена цензурой: набор был рассыпан» (Лакшин В.Я. *Возвращение Солженицына* // Он же. *Солженицын и колесо истории*. М.: Вече, 2008. С. 115).

16 Имеется в виду повесть Елизаветы Драпкиной «Зимний перевал»: Новый мир. 1968. № 10.

17 Роман Александра Бека «Сшибка» («Онисимов») был опубликован только в 1986 году под названием «Новое назначение».

18 О прохождении этого романа см. раздел «Бои за “Раковый корпус”» в: *Слово пробивает себе дорогу. Сборник статей и документов об А.И. Солженицыне. 1962–1974*. М.: Русский путь, 1998. С. 243–341.

мнение совершенно единодушно отстаивают обсуждавшие их 200 московских писателей. Более чем вероятно, что по напечатанию эти романы вызовут разночтения, споры – так это же естественно! Ведь и на обсуждении «Ракового корпуса» те самые писатели и критики, которые решительно высказывались за напечатание романа, формулировали и свои критические замечания.

Излишне обосновывать специфичность искусства и ради этого приводить популярные цитаты из классиков марксизма. Совершенно очевидно, что нельзя требовать от каждого конкретного произведения литературы, чтобы оно во всех частях и пропорциях совпадало с принятой сегодня концепцией действительности. Случись так, литература обречена была бы всегда плестись в арьергарде.

Но подобные требования как раз и обуславливают запреты произведения Драбкиной, Бека, Симонова¹⁹, Мальцева²⁰, Солженицына и др. Именно по таким соображениям советский читатель более четверти века был лишен произведений таких огромных писателей, как Андрей Платонов, Мих. Булгаков и другие – на четверть века эти писатели были выведены из литературного процесса. Теперь общепризнано, что эти ошибки нанесли большой ущерб советскому искусству.

Мы словно забываем, что у нас есть квалифицированная критика, которая по опубликовании произведения способна дать ему оценку (впрочем, Время проверит и ее!). Вместо этого мы передоверяем судьбу романа одному – двум – пяти судьям (к тому же профессионально не подготовленным для этого дела, да еще выносящим свой вердикт заочно!).

Один из руководителей московских писателей сказал как-то опрометчиво: «Дискуссии нужны, партия указала, что дискуссии полезны. НО ЧТОБЫ ВСЕ ВЫСКАЗЫВАЛИ ПРАВИЛЬНЫЕ МЫСЛИ» – и был справедливо осмеян. Сегодняшние действия цензуры, право, напоминают эту формулу. Но тогда почему же право на поиск признано непререкаемой привилегией художественной интеллигенции – во всех наших уставах и речах официальных лиц?

Между прочим критик Мотяшов²¹, ПОЛЕМИЗИРУЯ С ЛАКШИНЫМ по поводу «Матренина двора», написал, что Лакшин в одном отношении ломится в открытую дверь: никто не спорит,

19 Дневниковые записки Константина Симонова «Сто суток войны» набраны в 1966 году для публикации в 10–11-м номерах «Нового мира», однако на совещании в ЦК решили, что «Симонов заводит нас в какие-то дебри» (*Из рабочих записей Политбюро* // Источник. 1996. № 2. С. 111), и публикация была задержана.

20 Первая книга романа Елизара Мальцева «Войди в каждый дом» (1960) была посвящена большой для властей теме – сельскому хозяйству в послесталинский период.

21 Игорь Павлович Мотяшов (р. 1932) – советский литературный критик. См. его статью (Мотяшов И. *Логика борьбы* // Москва. 1967. № 3. С. 201–209), направленную против программной работы Лакшина «Писатель, читатель, критик. Ст. 2» (Новый мир. 1966. № 8. С. 219–231).

что «Матренин двор» надо было напечатать, но и полемизировать с автором можно – и должно.

«Я ДУМАЮ ОБ ЭТОМ
ВРЕМЕНИ»...

Так неужели же А. Солженицыну – по любому счету значительному русскому советскому писателю, поднимающему многие этические проблемы современного общества (пусть он и прибегает к преувеличениям, пусть некоторые явления рассматривает «односторонне», – есть же у нас критика!) уготована судьба А. Платонова? Его прежние произведения не переиздаются, хотя продолжается бурная дискуссия о них в печати, а новые – во всяком случае «Раковый корпус» – без всяких оснований не печатают. Я думаю, в случае с А. Солженицыным нарушается основная линия отношения партии к творческой интеллигенции, вытекающая, в частности, из духа решений XX Съезда партии.

[Записка эта, адресованная Вам, была уже написана, когда я прочел письмо А. Солженицына президиуму Съезда²². Со второй частью этого письма, касающегося личной писательской судьбы автора, я, как видите, согласен. Добавлю к этому: писатели дают разные оценки творчеству Солженицына, одни оценивают его очень высоко, другие – ниже. Но мне ни разу, ни от одного писателя не приходилось слышать одобрения этой практике полного отказа от публикации и прежних, и новых произведений Солженицына – автора, заслужившего уже огромную популярность. Мотивы, по которым я сообщаю Вам эти наблюдения, изложены в пункте 3 этой записки.]

Судьба писателя А. Солженицына трагична и тревожна. Но вопрос, который я позволю себе ставить перед Вами, все-таки шире.

22 «Не имея доступа к съездовской трибуне, я прошу Съезд обсудить:

I. то нетерпимое дальше угнетение, которому наша художественная литература из десятилетия в десятилетие подвергается со стороны цензуры и с которым Союз писателей не может мириться впредь.

Не предусмотренная Конституцией и потому незаконная, нигде публично неназываемая цензура под за туманным именем Главлита тяготеет над нашей художественной литературой и осуществляет произвол литературно-неграмотных людей над писателями. Пережиток средневековья, цензура доволакивает свои мафусаиловы сроки едва ли не в XXI век! Тленная, она тянется присвоить себе удел нетленного времени: отбирать достойные книги от недостойных.

За нашими писателями не предполагается, не признается права высказывать опережающие суждения о нравственной жизни человека и общества, по-своему изъяснять социальные проблемы или исторический опыт, так глубоко выстраданный в нашей стране. Произведения, которые могли бы выразить назревшую народную мысль, своевременно и целительно повлиять в области духовной или на развитие общественного сознания, – запрещаются либо уродуются цензурой по соображениям мелочным, эгоистическим, а для народной жизни недальновидным.

Отличные рукописи молодых авторов, еще никому не известных имен, получают сегодня из редакций отказы лишь потому, что они “не пройдут”. Многие члены Союза и даже делегаты этого Съезда знают, как они сами не уставали перед цензурным давлением и уступали в структуре и замысле своих книг, заменяли в них главы, страницы, абзацы, фразы, снабжали их блеклыми названиями, чтобы только увидеть их в печати, и тем непоправимо искажали их содержание и свой творческий метод. По понятному свойству литературы все эти искажения губительны для талантливых произведений и совсем нечувствительны для бездарных. Именно лучшая часть нашей литературы появляется на свет в искаженном виде» (*Слово про бивает себе дорогу... С. 211*).

Цензурные запреты последнего года, как мне представляется, способны подорвать развитие литературы – а мы все радовались успехам ее. Значит, нужны новые решения, новая практика в этих вопросах.

2. Крайне нежелательно и даже опасно, на мой взгляд, дистиллировать современную печать в связи с юбилейными датами.

Ведь дата Пятидесятилетия отмечается не в октябре и ноябре; соответствующие материалы печатаются на протяжении всего года. В газетах и журналах постепенно утвердился некий юбилейный тон, и теперь уж в редакциях толкуют не о соблюдении света и теней (что тоже примитивно), а просто отказываются от любых проблемных материалов. Эта тенденция развивается, перерастает в «кампанию», а ее еще подстегивают сверху.

Тут я могу сослаться и на личный опыт публициста.

Например, молодые редакторы издательства «Молодой Гвардии» (к которым подключился и зам. главного редактора) в конце 1966 года горячо подхватили предложение издавать серию небольших книг так называемой писательской публицистики («Проблемы – Нерешенные вопросы – Дискуссии – Проблемы»), рассчитанную на «думающего» молодого читателя. Но этот проект рухнул, ибо «наверху» сказали, что 1967 год – год Пятидесятилетия государства, 1968 год – Комсомола и Красной армии, а в юбилейные годы и разговаривать о проблемной литературе не приходится!

Но ведь и в предстоящие годы будем праздновать юбилеи и тоже целый год подряд! Однако бег жизни не остановишь, ей свойственны диалектические противоречия, нерешенные вопросы будут накапливаться.

По тем же причинам газеты и журналы отказываются теперь от проблемных статей. Если уж касаться собственного опыта (хотя точно такой он и у других авторов этого жанра), то сошлюсь хотя бы на то, что уже включенная в № 7 журнала большая статья о «Социологии глазами литератора»²³ после

23 Статья, снятая цензурой, появится в 12-м номере «Нового мира». По свидетельству заместителя главного редактора журнала, «вначале пришлось ее снимать из-за того, что автор привел некоторые, правда, опубликованные в социологических изданиях цифры и факты, касающиеся образования, взглядов молодежи на будущее. [...] Даже просеянные цифры вопили, и, несмотря на наши ссылки (“ведь уже опубликовано”), цензура долго и злобно сопротивлялась» (Кондратович А. *Указ. соч.* С. 95). Дело осложнялось еще и тем, что в своей, казалось бы, сугубо эмпирической работе Владимир Канторович позволял себе «объективизм», не поощряемый идеологическими ревнителями. Он сочувственно приводил мнения читателей и профессиональных социологов о том, что «пора поднять вопрос о гласности исследований». Также автор утверждал, что «огульным отрицанием буржуазной науки, а вовсе не серьезной полемикой с идеалистической философией истории, с новейшими модными экономическими и социальными теориями, наконец, с методологическими приемами исследований делу не поможешь. Это, конечно, правда, что многие западные социологи выполняют заказ хозяев, обслуживают предпринимателей, приспособляются к существующим социальным структурам. Но далеко не все конкретные исследования на Западе проведены апологетами капитализма» (Канторович В. *Социология и литература* // Новый мир. 1967. № 12. С. 151). Статья войдет в состав сборника: Он же. *Глазами литератора: социологические очерки*. М.: Советский писатель, 1970.

очередного инструктажа главного редактора внезапно «полетела», отложена на другой год.

«Я ДУМАЮ ОБ ЭТОМ
ВРЕМЕНИ»...

Эти случаи из личной практики отнюдь не трагичны, скорее – нынешний повседневный быт. Но во что журналы превратятся, поддавшись законам «кампании» и легко ли будет вернуться потом к будничной практике?

В Древней Элладе были девять муз и только одна (захудалая) ведала гимнами, одами и прочим – Полигимния. Право, было бы серьезной ошибкой открывать зеленую улицу питомцам *одной* этой, уже поневоле велеречивой богине...

3. К сожалению, укоренился обычай, что люди, практически определяющие литературную политику, влияющие на судьбы произведений, да и писателей, общаются только с официальными руководителями Союза писателей, несущими на себе груз официальных постов, да еще, может быть, – с отдельными корифеями.

Это плохо – если будет позволено так сформулировать – для обеих сторон: и для так называемых средних писателей, и для руководителей литературной политики.

Каждый писатель убежден, что литературный процесс осуществляется силами не одних только корифеев, а безусловно, с помощью так называемых средних писателей. Во всяком случае социальных авторов разных жанров, проблемистов, тех, кто активно печатается, получает множество читательских писем и т.д.

Значит, для этих самых средних писателей (не занимающих постов, не корифеев, а старающихся в меру своих дарований, трудом своим, выполнить писательский долг) и должна быть найдена форма общения с лицами, осуществляющими литературную политику. Это – также и форма участия в управлении профессиональными литературными делами.

Но такое общение *должно быть двусторонним*, не сводиться к выслушиванию директивных докладов и к выступлениям с трибуны в большом зале, да еще по заранее составленным спискам. Нет, в основу таких встреч должна быть положена беседа, так сказать, за «круглым столом», обеспечивающая взаимную информацию и даже... спор.

Среди положительных последствий подобных встреч, помимо того, что яснее станут настроения, мнения, заботы разных писателей (разных – мы скроены не на одну колодку!), будет и такое: наверно, за ненужностью перестанут писать коллективные письма (хотя – что в них страшного? – они адресуются в ЦК партии и непонятно, почему на встрече с журналистами, Семичастный так их аттестовал²⁴). Ведь письма эти были

24 Вероятно, имеется в виду реакция председателя КГБ Владимира Семичастного на коллективное письмо против реабилитации Сталина (1966), где он подчеркивал: «Как видно, главной целью авторов указанного письма является не столько доведение до сведения ЦК партии своего мнения по вопросу о культе личности

единственно доступной нам формой изложения своих взглядов по вопросам, которые в печати не дебатировались.

Я представил себе, что неофициальная встреча с Вами (одна из тех, которые я здесь обосновываю) уже как бы состоялась. Я изложил обуревающие меня, рядового писателя, тревоги, сформулировал пожелания.

Прошу Вас в своей речи или иным путем ответить на поднятые здесь три вопроса: о цензуре, об излишествах и односторонности юбилейных литературных материалов²⁵, о неофициальных встречах литераторов «разных рангов» с теми, кто практически вершит литературную политику.

*Подготовка текста к публикации, введение и комментарии
Павла Глушакова*

Сталина, сколько распространение этого документа среди интеллигенции и молодежи. Этим, по существу, усугубляются имеющие хождение слухи о намечающемся якобы повороте к “сталинизму” и усиливается неверное понимание отдельных выступлений и статей нашей печати, направленных на восстановление объективного, научного подхода к истории советского общества и государства, создается напряженное, нервное настроение у интеллигенции перед съездом» (Архив Президента РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 495. Л. 73).

- 25** Ср. с подобным же словоупотреблением: «Федор Степанович ненароком наводит на главнейшую, м.б., тему года: не таит ли в себе юбилейная шумиха тенденцию приторочить его [Сталина] к Ленину? – Тогда – нет. И мысль о том, что подобные торжества вообще не считаются с мыслимым реально отношением к ним “виновника”. Ему ли это было бы по душе. Ведь стольким душам, несущим его в себе как самое заветное и свое (я с ним читаю любую книгу и знаю, как бы он ее оценил, где он улыбнулся бы, где возмутился бы и т.д.), стыдно перед ним за все это – за стандартные статуи, роли, излишества наименований и т.д. и т.п. и пр.» (Твардовский А.Т. *Указ. соч.* Т. 2. С. 288).